

Виктор Бондарчук

Старлей
из УГРО,
или
Честь имею

Виктор Бондарчук

**Старлей из УГРО, или
Честь имею. Книга первая**

«Издательские решения»

Бондарчук В.

Старлей из УГРО, или Честь имею. Книга первая /
В. Бондарчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832063-7

Мелкий конфликт оперативника уголовного розыска Федора Углова со своим полицейским начальством выливается для него в большие неприятности. Проблемы, накотившие подобно снежной лавине, фактически выживают парня с места службы. Углов организует частное детективное агентство, в котором продолжает успешно заниматься борьбой с преступностью. Клубок преступлений раскручивается и приводит его к людям из очень влиятельного силового ведомства. Жизнь молодого оперативника на волоске...

ISBN 978-5-44-832063-7

© Бондарчук В.
© Издательские решения

Содержание

Конфликт. Дело инкассаторов	6
Детективное агентство «Секрет»	10
Олег Кантовщиков. «Кант»	12
«Секрет» в деле инкассаторов	15
Дело пенсионеров	16
«Золотая» информация	17
«Пончик – лимончик», «Стайер» и козырное дело	19
Бунт на «корабле. Аня Морозова – моя любовь	22
Дело инкассаторов – мое дело	27
Валютная премия	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Старлей из УГРО, или Честь имею
Книга первая
Виктор Бондарчук

© Виктор Бондарчук, 2016

© Михаил Кулешов, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-2063-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Конфликт. Дело инкассаторов

Совещание у начальника городского управления МВД генерал-майора Красавина проходило на повышенных тонах. Обстановка в огромном кабинете постепенно, но неотвратимо накалялась и могла взорваться с минуты на минуту. Генералу казалось, что подчинённые не чувствуют всей тяжести случившегося. Не только не чувствуют, но и элементарно не хотят вникать в проблему. Не прониклись, так сказать, ответственностью как он, их главный руководитель. Сидят себе, уткнув глаза в стол; ни бэ тебе, ни мэ. И он, к своему стыду, не знает, как пробудить в них святое чувство долга и ответственности. Вон тот молодой вообще чёрт знает, о чём думает, уткнулся украдкой в телефон, и плевать ему на всё здесь происходящее. Но это и хорошо, надо об кого-то персонально «ноги вытереть», чтобы другим неповадно было, чтобы начали усиленно думать, как преступление раскрыть, а не убежать поскорее к жениной заднице.

– Молодой человек, как вас там? Доложите, что думаете по данному преступлению.

– Старший лейтенант Углов. Что вас конкретно интересует, товарищ генерал? По преступлению всё сказано. Всё, в общем-то, понятно.

– Что лично вам понятно, старший лейтенант?

– Боюсь, что в самое ближайшее время это преступление нам не раскрыть...

Генерал чуть не задохнулся от гнева. Взором полным ярости и презрения, он оглядел присутствующих начальников угрозыска города и их подчинённых. Никто глаз от стола не оторвал, и фактически на реплику младшего коллеги не отреагировал. Красавин снова уперся взглядом в старлея, который стоял перед ним ну очень уж расслабленно. Совсем не по стойке смирно, как положено стоять перед большим начальством. И по виду до безобразия спокоен. Всё это с утроенной силой взъярило генерала.

– Какой-то сопляк подвергает сомнению раскрытие резонансного преступления, а опытные сыскари молчат...

Он специально подкинул эти ментовские слова про опыт сыскарей. Так сказать, показал, что ценит всех, кроме этого сопляка.

Ответил ему снова этот самый Углов, хотя его никто об этом уже не просил. На рожон вроде как попёр.

– Я не сопляк, товарищ генерал, а один из опытнейших оперативников в нашем отделе.

Красавин вылупился на него, по-другому и не скажешь, с изумлением. Такого с ним никогда не случалось. Не принято в России перечить начальству, тем более, большому. И как ни странно, а эта реплика и спокойствие младшего офицера притушили гнев в нём самом. И он почти спокойным голосом спросил:

– Ну, если вы самый опытный из присутствующих, тогда расскажите нам, не очень большим профессионалам, почему страшное преступление, которое поставило на уши всю полицию города, не будет раскрыто?

– Так всё очень просто. Преступники скрылись с места преступления, не оставив никаких улик. Мы даже не можем ещё определить марку мотоцикла, который использовали бандиты. Этот агрегат похож на три разные модели, по словам немногочисленных свидетелей. Преступники очень тщательно изучили расположение камер наружного наблюдения, так как ни в одной не засветились. Ушли, то есть уехали, на мотоцикле теми улицами и дворами, на которых камер видео наблюдения и в помине не было. Они шумно не газовали, не неслись под сто километров, пугая прохожих. Проехали так спокойно и чинно, что их никто не запомнил. По крайней мере, первые опросы свидетелей ничего не дали. Три инкассатора, которые непосредственно столкнулись с налётчиками, убиты наповал. Оружие преступники не бросили, как обычно. И здесь след обрывается. Думаю, что и пули, извлечённые из тел убитых, ничего не дадут. Мы уже

сталкивались с самопальными стволами без нарезки. С десяти метров с такого оружия попасть точно в цель сложно, а с пяти или в упор – без проблем. Но это лично мои неутешительные выводы.

Начальник городской полиции озадачился ответом. Ведь по молчанию старших офицеров понятно, они такого же мнения, как и этот старлей. Ну, нет. Так не пойдёт! Он не даст им, молча, отсидеться, но пока надо дожать этого борзого опера.

– И вы, товарищ старший лейтенант, предлагаете ничего не делать? Дело отправить в архив, и всем спокойно разойтись? И дальше продолжать «протирать» штаны по кабинетам, так что ли?

– Вы – генерал, вы – наш начальник, вы и командуйте, а мы будем исполнять...

А это уже наглость и вызов. Надо жёстко пресечь на корню, чтобы остальным неповадно было. В назидание другим надо «урывать» этого молокососа раз и навсегда. Надо показать власть и силу присутствующим.

– Все молчат, значит, согласны? Преступление никто и не думает раскрывать? Тихо отсидимся, отмолчимся, всё само собой утрясется со временем, так что ли? Обещаю вам, не отсидитесь и не отмолчитесь! За это резонансное преступление ответят лично все здесь присутствующие. Не можете работать – уступите место другим, более способным.

Снова бросает реплику молодой оперативник, продолжающий стоять перед очами высокого начальства. И это не просто вызов, это «наезд», выражаясь по уголовному. А в душе уже проскользнула осторожная мысль, может, не надо слишком страсти нагнетать, когда в розыском деле толком не понимаешь. И чёрт бы с ним, с этим старлеем, но тот всё никак угомониться не может.

– Товарищ генерал, а вы сами хоть одно дело раскрыли? В нашей среде ходят слухи, что вы в полицию пришли из областной администрации, чуть ли не из АХО. Мундир полицейского надели совсем недавно.

– Во-первых, это к делу не относится, товарищ старший лейтенант. А во-вторых, не вашего ума дело. У меня своя работа, можно сказать, больше административная, у вас своя. Богу богово, а кесарю кесарево. Вот вы лично, чем можете похвастаться на уровне оперативно-розыскной деятельности? Что вы там наращивали?

– На моём личном счету три раскрытых преступления только за этот год.

– Вот даже как. Очень уж гордо. Самонадеянное заявление. Вы работали один? Никто из коллег не помогал вам, новоявленному Шерлоку Холмсу?

– Коллеги помогали, конечно, но моя роль была главенствующей. Что есть, то есть. Это так, скажем для справки. Конечно, звучит как хвастовство, но излишняя скромность только вредит мне: в звании не повышают, без премии оставили...

– Да ты у нас герой! Правда весь из себя разнесчастный: без звания и премии. Мимоходом пожаловался. Непосредственного начальника сдал.

– Вы ошибаетесь, товарищ генерал, я не разнесчастный и никого не сдавал. Я просто открыто и прилюдно выразил своё мнение. Разве я не могу гордиться своими производственными успехами? Что есть, то есть. И простите, а почему вы мне тыкаете? Я офицер полиции.

– Хватит дискуссий на отвлечённые темы, продолжаем по существу. Товарищ старший лейтенант, вы свободны. Вы отстраняетесь от дела.

Вот мерзавец, вышел без всякого: «Разрешите быть свободным?». Расслабились господа полицейские. Надо заставить их почаще форму носить, то в этой гражданской одежде выглядят служащими фирмы «Рога и копыта». Хотя на сегодня, пожалуй, уже хватить, ничего продуктивного из этих деятелей не вытянуть. Пусть пару деньков до следующего совещания соображают, что к чему, а там видно будет. А пока надо решить, что с этим старлеем делать... Таким как он не место в органах.

– Все свободны. Послезавтра в 19.00 всем быть у меня. Посмотрю, что вы там за двое суток «нароеете». Подполковник Зуев, так как преступление совершено на вашей земле, вы назначаетесь старшим в деле об убийстве и ограблении инкассаторов. Завтра к началу рабочего дня план розыскных мероприятий должен лежать у меня на столе. К вечеру мне в Москву докладывать: как дело продвигается, в котором три трупа и похищенная сумма в количестве одиннадцати миллионов рублей.

Когда все вышли, генерал позвонил секретарше. Вызвал начальников СБ и отдела кадров. Как и положено конторской крысе, полковник-кадровик был тощим, сутулым, лысым и в обязательных очках. Правда, в супермодных, за матовыми стёклами не видно глаз. Но доложил чётко и коротко без бумажки, сразу видно, специалист в своём деле.

– Старший лейтенант Углов служит в органах пять лет. Все пять лет оперативником уголовного розыска в Октябрьском районе. Закончил юридический факультет университета, а не школу милиции. Вот оттого и лёгкая недисциплинированность. Спорит. Может позволить себе перебить старшего по званию. А, в общем, характеризуется положительно. Один из лучших оперативников, но это уже не по моей части. Об этом лучше доложит его начальник – подполковник Зуев. Не карьерист, в общественной жизни участия не принимает. Оно и понятно, оперативники сутками в работе. Имеет личную квартиру, откуда и определённая независимость. По непроверенным данным, не планирует в дальнейшем работать в полиции. Организовал и открыл частное детективное агентство, в котором официально не фигурирует. Вот, пожалуй, и всё.

– Что добавит начальник СБ?

Этот не в пример кадровику высок, спортивен и молоджав. Ему всего-то тридцать семь. Уверен в себе. Со своей мерзкой должностью привык без робости с начальством общаться.

– Старшему лейтенанту Углову была предложена крупная взятка. Не буду уточнять, за какое дело. Это не суть важно. Он согласился, но при этом доложил мне все детали. И я благословил его на операцию. Сумма в американских долларах была получена в его личном кабинете.

Генерал удивлённо поднял глаза.

– У простого оперативника свой личный кабинет?

– И свой, и личный. Но это не по моей части, с подполковником Зуевым на эту тему говорите. Так вот, деньги Углов получил. И ровно через минуту в кабинете появились мои оперативники капитан Измайлов и майор Онищенко. Доллары изъяли, старшему лейтенанту предъявили обвинение. На следующий день мы взяли взяткодателя и показали ему заявление Углова. Тот всё понял и не стал скрывать истину. Если коротко и без деталей, то из органов были уволены майор Онищенко и капитан Измайлов. Уголовное дело против них не открывали, доказательств не хватило.

– Кто «заказал» Углова?

– Кто-то из крупного криминала. До этого мы не докопались. На Онищенко и Измайлове все остановилось. Они знают, но нам не дали их «дожать». За них кто-то в Москве слово замолвил. По ходу дела всплыла характерная деталь, Углов мне не доверял, страховался конкретно. У него однокурсник по университету в ФСБ служит. И он этому товарищу все детали своего дела, скорее всего, передал.

– Этому есть документальные подтверждения?

– Только косвенные. Мы неделю отслеживали Углова. В итоге, три встречи с оперативником ФСБ.

– Всё понятно. Что по его начальнику Зуеву?

– Крепкий оперативник, но звёзд с неба не хватает. У него всё просто и добротное. Ему ближе методы кнута. Может и противогоз на подозреваемого надеть, и дубинкой попугать с надетым на неё презервативом. Сигналы были, но до конкретики дело не дошло.

– Спасибо, товарищи офицеры. Вы свободны.

Оставшись один, генерал налил рюмку коньяка, с удовольствием выпил, зажевал квадратиком шоколада. Коньяк не отвлек, не расслабил душу. Мысли все об этой кровавой бойне, случившейся так некстати. Немедленного раскрытия которой требует Москва, намекая на служебные неприятности в случае всяка. И самое печальное во всём этом то, что от него лично ничего не зависит. Далёк он от всех этих следственно-розыскных мероприятий, ни бельмеса в них не смылит. А должность то отличная, возможности колоссальные, которые, не ровен час, похерят разного рода отморозки с их зверскими преступлениями.

Была бы возможность, подполковник избил бы меня в кровь. А так только звереет, сжимая пудовые кулаки до хруста в пальцах. Мне на его психоз начихать и растереть, спокойно жду начала разговора.

– Ну и что скажешь, товарищ опытнейший оперативник?

– Я всё уже у генерала сказал, добавить больше нечего.

Мне и, правда, добавить нечего, а повторяться, только переливать из пустого в порожнее.

– Оказывается, ты у нас обиженный.

– Я не обиженный, я несправедливо обойдён по службе. С очередным званием кинули... Уже три года в старляях. И это на фоне Авдеева и Аношкина, которые очередные звания получили через два года. И премии лишили непонятно за что.

– Капитана получишь осенью. К нашему профессиональному празднику. А премию мы же отдали полностью Авдееву, у него ипотека зависла.

– До осени ещё дожить надо. И как говорится, хороша ложка к обеду. К тому времени вы на повышение уйдёте. Вроде и приказ уже подписан. Я хоть и в ипотеке не участвую, но деньги мне тоже нужны. Но раз вы майору решили помочь, меня не спрашивая, то тут уже ничего не попишешь. Помогайте и дальше, только уже без меня.

– Как я понял, ты устранишься от розыскных мероприятий в отделе?

– Так меня генерал отстранил. Да и дело инкассаторов тухлое, всяк стопроцентный. Участвуй я или не участвуй, результат останется нулевым.

– Я смотрю, ты игру затеял какую-то нехорошую. Перед начальством выпятился, всех сдал. Мол, ты один все дела в отделе раскрываешь, а остальные дебилы на твоём фоне.

– Я никого не сдавал, прошу это запомнить на будущее. А что перед генералом выпятился, как вы выражаетесь, так не стоило ему меня сопляком называть. По большому счёту, я вас и весь наш отдел выручил. Громко и аргументировано заявил, что в ближайшее время преступление не будет раскрыто. Вы, товарищ подполковник, не решились бы такое сказать начальству в глаза. Так что извините, я умываю руки и жду дальнейших распоряжений начальства. Куда направят, там и буду служить. Скорее всего, предложат по тихой уволиться. Генералы не любят, когда их не профессиональное прошлое озвучивают младшие по званию.

– Ну, это дело твоё, ты, наверное, знаешь, что делаешь. Как говорится, мужик сказал – мужик сделал. А вообще-то ты зря, Углов, в бутылку полез, добром это для тебя не кончится.

– Я ещё ничего плохого не сделал, а в вашем голосе тихая угроза, товарищ подполковник.

– Да какая там угроза, просто хочу, чтобы у тебя всё было хорошо.

– Спасибо за заботу. Думаю, что дежурным по отделению мне спокойней будет. Быстрее карьеру сделаю, чем на оперативно-розыскной работе.

На этом наш диалог закончился, и я вроде, как и не свой среди семи человек нашего отдела, меня вроде уже и не замечают. Но, как говорится, каждому своё. Так что прощаюсь, мол, прошу простить, если что было не так и скромно удаляюсь. Пока отобедаю, там уже решение подоспеет из генеральского кабинета. Интересно, куда меня направят? Как распорядится система с неугодным ей сотрудником?

Детективное агентство «Секрет»

Всё складывается просто отлично, я переведен дежурным по отделению. Отдежурил сутки и трое – свободен, делай что хочешь. А заняться есть чем, из головы не выходят расстрелянные в упор инкассаторы. И первые нарытые в этом деле факты, никакого прогресса не обещают. Старший лейтенант Аношкин, самый молодой опер в нашем отделе, скидывает мне по тихой информации по расследованию. Как я и предполагал, ствол пистолета оказался самопальным, без нарезки. Мы уже сталкивались с таким оружием. Средней руки токарь легко может выточить ствол из обычного металла. Такой железяки вполне хватит на десяток выстрелов. И плевать на точность, если стреляют почти в упор. Сумма похищенного громадная, скорее всего, бандиты имели информацию о деньгах. Случайностью здесь не пахнет однозначно. Не в каждой инкассаторской машине может находиться большая сумма. Хотя и здесь особого секрета нет. Такие большие деньги случаются гарантированно раз в неделю, по субботам, когда выручка в ресторанах и барах этого района самая крупная. Плюс ещё два продовольственных супермаркета, работающих круглосуточно. А этот ресторан, где случилось нападение, был последним у инкассаторов. Версию об информаторе считают приоритетной, над ней работают Авдеев с Кравченко и ещё три опера, призванные под знамёна подполковника Зуева из соседних отделений полиции. Это всё хорошо, всё правильно, и будет большой удачей, если ребята что-то наруют. А я предполагаю самый худший вариант – не было у налётчиков осведомителя. Они просто понаблюдали, прикинули все «за» и «против» и напали. Вполне возможен и фактор случайности. Инкассация есть инкассация, все равно какие-то деньги при них будут. И что остаётся в этом случае? Надо думать, и еще раз думать, поставив себя на место бандитов. И пора загрузить работой подчинённых из своего детективного агентства «Секрет», зарегистрированного на одноклассницу Юленьку Быстрову, дочурку очень влиятельного и богатого папочки. Девушка числится в штате агентства, ей даже начисляется мизерная зарплата, на которую она, слава Богу, не претендует и соответственно не получает. В чём в чём, а в деньгах Быстрова не нуждается, и в нашем агентстве не появляется. Спасибо ей огромное за папенькину «крышу», которая отлично прикрывает от разного рода проверяющих.

Наши дела в «Секрете» идут ни шатко, ни валко. Двое сотрудников – молодые пацаны без опыта и неисправимые романтики, что очень мешает делу. Но с логикой у них всё в порядке, и в будущем они вполне могут стать акулами частного розыска. Мой первый заместитель Олег Сысоев – прирождённый опер. Он, как и я, после юрфака универа. На нём держится вся наша кантора в моё отсутствие. Катя Ившина и Аня Морозова – мои знакомые по университету. Первая проходит за секретаршу, вторая «разруливает» наши финансовые дела. Клиентов до безобразия мало, катит сплошная мелочёвка. Мы, конечно, не бедствуем, но денег свободных фактически не имеем. Поэтому у нас нет приличной шпионской аппаратуры и мобильной техники в виде автотранспорта. Личные машины только у Сысоева и Морозовой, которые они приобрели на деньги родителей. Отсутствие денег – наша главная проблема. Я полностью оставляю свою зарплату полицейского в своём развивающемся предприятии, и еле-еле свожу концы с концами.

Сегодня все в сборе. Держу речь, стараясь довести до коллег всю важность предстоящего дела:

– Вы уже в курсе, что ограблены и убиты инкассаторы, такие же как вы молодые люди. Мы попробуем провести своё расследование, пока у нас нет работы. Я от этого дела отстранён, но информацию по нему буду получать. Ваша задача проследить путь отхода преступников. Их двое, они на мотоцикле. В первую очередь, обращайтесь внимание на дороги и проходные дворы, где отсутствуют камеры видео наблюдения. Лично я думаю, что это не местные, и они направятся на выход из города. Фиксируйте все частные гаражи и разного рода подвалы, где

можно спрятать мотоцикл. На нём они точно из города выезжать не будут, на выходе все дороги контролируются ГИБДД, а у бандитов за спиной по рюкзаку денег. Скорее всего, они пересели где-то на машину. В общем, задача пока простая: вычислить маршрут отхода бандитов.

– Слушай, Угол, а зачем нам это надо? Пусть твои коллеги «прячятся».

Олег как всегда практичен, он не хочет заниматься тем, что не приносит денег.

– Олег, ты не прав, так вроде Горбачёв говорил. Вы сейчас сидите без работы, и ничего в этом плане не намечается. Вопрос, а почему к нам люди не обращаются? Всё очень просто. Они не видят в нас профессионалов способных решать их проблемы. Мы на самом деле такими не являемся. Нет работы, нет денег. Аксиома. Так давайте оттачивать и шлифовать свои профессиональные качества, а то появится стоящее дело, а мы не сможем помочь клиенту из-за отсутствия профессиональных навыков. Вы согласны с моими аргументами? – ребята вроде, молча, соглашались. – Ну, вот и отлично. Делитесь на две группы, по машине в каждой. Вперёд и с песней!

– Угол, у меня денег на заправку нет.

– Это очень плохо, и вдвойне прискорбно, что такой вопрос задаёт мне руководитель оперативной группы, мой непосредственный зам. Как работаем, так и получаем. У меня у самого только мелочь на трамвай осталась. Через пару дней зарплата, только тогда смогу помочь тебе с бензином. Аня, а ты при деньгах?

– Конечно, и при очень хороших. Помогаю маме с бухгалтерской отчётностью, законно имею треть от прибыли.

– Молодчинка! Займи Олегу на бензин. Мужики, вот с кого надо брать пример.

Девушка торчит в нашем бесперспективном агентстве из-за личного интереса. Вроде как виды на меня имеет. Жених-то я завидный, с личной жилплощадью почти в центре города. От бабушки досталась однокомнатная квартира в старом фонде, который сейчас ценится. Потолок четыре с лишним метра, кухня – шестнадцать, а комната – тридцать два. Раздельные туалет и ванна больше нынешних стандартных в два раза. Подумываю в этой квартире офис устроить, если лишусь зарплаты в случае увольнении из органов. А вообще-то моя жизнь – головняк для родителей. Мужу в этом году двадцать девять стукнет, а в активе ни семьи, ни детей... Самое страшное для них – и не предвидится. Холостяцкая жизнь меня вполне устраивает. Я, конечно, понимаю, что жениться надо, и, в конце концов, придётся, хотя бы для того, чтобы потомством обзавестись. Мама пугает, что случайные связи до добра не доведут. Наверное, хватит канать под дурака-непонимайку, уже пора пригласить Анку в ресторан, а потом к себе домой. Там будет видно, что к чему, может, и создадим ячейку общества. Я бы хоть сейчас женился на Юлечке Быстровой. Все мои мысли и чувства заняты ей. Я для неё, скорее всего, не пустое место, но где-то очень и очень рядом с ним.

А Сысоев всё никак не уймётся, не может смириться с ролью подчинённого. В моё отсутствие он здесь и царь, и Бог, а тут вынужден выслушивать приказы.

– А ты чем займёшься?

– Я буду третьей группой. Пойду своим путём. Вы на выходы из города, а я по круговой. В восемь вечера встретимся и проанализируем полученную информацию, посмотрим, кто что «нарыл». Задачи поставлены, цели определены. За работу, коллеги!

Шуткой пытаюсь взбодрить ребят на ударную работу, а то у всех вид очень уж кислый. Через минуту в офисе никого нет. Комнатуху в цоколе здания, рядом с мастерской сантехников, трудно назвать офисом, но зато у нас есть юридический адрес. И аренда смешная, всего-то десять тысяч рублей в месяц. Внутри мы более-менее обустроили, наклеили светлые обои, принесли из дому кто что смог из мебели. Проблема – соседство с сантехниками, вернее, один вход-выход. Это довольно ощутимо напрягает многочисленных клиентов, создавая им и без того плохое настроение, ведь к нам с радостью не идут. Хватит рассуждать ни о чём, пора и самому делом заняться.

Олег Кантовщиков. «Кант»

Как плохо без машины, мобильность в работе нужна, как воздух. На колёсах можно решить проблем на порядок больше. Но и поездки в общественном транспорте в часы пик, много чего интересного преподносят, как вот, например, сейчас. То, что с пассажирами не всё в порядке, я сразу подметил. Народу, конечно, в автобусе много, но не настолько, чтобы ломиться в салон с выпученными глазами. А вот и причина этой толкотни – паренёк с невыразительными чертами лица, наполовину прикрытого бейсболкой. А вот и его жертва с пухлой сумкой на сгибе руки. Всё отлично. На ловца и зверь бежит, где я, там и преступление. Три шага отделяют меня от товарища с аскетической внешностью, ещё не отъевшегося после отсидки. Продвигаюсь вперёд и занимаю место впереди дамы, которая через минуту лишится кошелька. Держусь левой рукой за верхний поручень, прикрывая ей лицо, чтобы карманник не «срисовал» мой очень заинтересованный взгляд. Все происходит почти моментально: воришка толкает даму, чтобы отвлечь её внимание от сумки, и тут же разрезает тонкий коззам монеткой, заточенной до бритвенной остроты. Через пару секунд пухлый кошелек пассажирки переезжает из её сумки под курточку вора. Вот и мой выход, пора вмешаться. Ору, как ненормальный:

– Все в сторону! Полиция. Задержание преступника.

Карманник от моего крика целую секунду в ступоре. Будешь в шоке, когда в глаз давит холодный ствол ПээМа, а пальцы с монеткой взяты в жёсткий захват. Автобус остановился, начинается разборка. Выворачиваю руку карманника, показываю всем монетку, зажатую у него в пальцах, которую он не успел выкинуть, так чисто и быстро прошло задержание. Три человека готовы стать свидетелями. Дама в шоке, растерянно рассматривает разрезанную сумку. Укладываю карманника лицом вниз на грязный пол автобуса, его же ремнем, выдернутым из джинсов, скручиваю ему за спиной руки. Хоть наручники с собой таскай вот для таких случаев. В кошельке пятисотка и три купюры по сто. Я думать не думал, что мне попалась «золотая рыбка». Записывав фамилии свидетелей, обыскал преступника. Не найдя оружия, поднимаю его и вывожу из автобуса. Надо решить, как доставить карманника к нам в отделение. То ли вызвать наряд, то ли везти самому, тормознув частника. Пока раздумываю, парень сбивается на скороговорку:

– Отпусти, начальник, три дня как откинулся. Поверь, не от хорошей жизни на промысел вышел. Денег нет, а жрать охота. Меня за эти копейки на пятерик оформят.

– Где справка об освобождении?

– Дома. Поехали, предъявлю.

Внимательно рассматриваю задержанного, похоже, не врёт. Если так, то не повезло ему конкретно. Только вышел, и сразу по новой на нары.

– Сколько отсидел и за что?

– Трёшку за гоп-стоп.

– Понимаю, как тебе снова на зону не хочется.

– Не выдержу я неволи. Этот срок кое-как домотал.

– В принципе я могу тебя освободить, но мне-то какая с этого польза? Смотри сам, я тебя оформляю, мне звание досрочно и премия. Капитанские погоны – это уже солидно. Да и ты, находясь в местах отдалённых, в изоляции от общества, не будешь мешать жить нормальным людям, последние копейки у них экспроприировать. Видишь сколько плюсов от твоей посадки. Даже и не знаю, что делать...

– Отпусти, начальник, тебе больше пользы будет. Перехвачу у братвы денег, с тобой рассчитаюсь. Сколько скажешь, столько и отдам. Не губи, а...

– Пять лет срока. Средний заработок пятнашка в месяц. Берём минимум: десять. Пол ляма набегаёт, не даст тебе братва таких денег. Так что поехали оформляться.

– Дадут, начальник, не переживай. Всё путём будет.

– Может, и дадут, не спорю. Но ты же такую сумму у гольтьбы по карманам не натыришь. Сейчас все деньги на карточках держат. Так что тебе придётся отработать должок на серьёзном деле. А крутое – срок большой. Это тебе не пятёрка за карман. Я уже не говорю о будущих пострадавших людях, но вариант есть.

– Что за вариант?

Урка смотрит с подозрением и вроде как уже и на зону пойти не против. Боятся они этих самых вариантов. Но это его личное дело, как решит, так и будет. Я не заставлял его резать чужие сумки и попадаться.

– Заключаем договор о взаимном сотрудничестве. Подписываешь бумагу и свободен.

– В стукачи вербуешь?

– Ну, почему сразу в стукачи? Это просто взаимовыгодное сотрудничество. Кстати, для справки, когда опера уходят со службы, они своих не сдают. Вернее никому не передают своих сотрудников.

– Ты хотел сказать – стукачей?

– Пусть будет стукачей, мне эти слова без разницы. А вот и патрульная машина как раз к нам направляется. – Парень затравленно глянул на приближающийся УАЗик. – Решай, пока едем.

Полицейские ничем не интересуются. И через десять минут мы уже у дверей моей конторы. Прошли пост на входе, поднимаемся ко мне в кабинет, которого я скоро лишусь однозначно. Вижу, как напряжён задержанный. Скажи он нет, и не увидит свободы долгие и долгие годы. Но в этом он виноват только сам, каждый единолично выбирает свой путь в жизни. Он вправе как отказаться, так и согласиться, я уже его ни к чему не принуждаю, я уже все сказал, но в душе, а это дело принципа, «дожму» однозначно. Усаживаюсь в кресло, показывая всем своим видом, что я хозяин, и от меня очень многое зависит. Но и здесь не стоит перегибать палку, лепить из себя крутизну конкретную. Главное сейчас: доказать задержанному, что я ему друг, которому не безразлична его судьба. Так что усаживаю его на стул и завариваю кофе, а под него угощаю американской сигаретой. Подготовительная работа завершена.

– Ну что, оформляем протокол или договор о сотрудничестве? Кстати, как тебя звать-то?

– Олег Кантовщиков. Для своих – Кант.

– Не пойму я тебя Олег, что ты так сильно «паришься» по пустякам. Я же не буду тебя заставлять трудиться по-ударному. Что сделаешь, то и сделаешь. На вот ручку, бумагу и пиши: я, Олег Кантовщиков, по кличке Кант, обязуюсь сотрудничать со старшим лейтенантом Угловым.

Парень неохотно взял ручку. Всё отлично. Теперь не дать ему время на раздумья. Вот потому и говорю тихим голосом, не останавливаясь – заговариваю. Убеждаю, что всё будет лады, тип-топ. Мы с этой минуты друзья-товарищи на всю оставшуюся жизнь. Через пять минут убойная для уголовника бумага составлена и им подписана, а так же пальчики откатаны на этой самой зловещей бумаге. Всё, дорогуша, назад тебе пути заказаны. Это у меня уже третий стукачок на районе. Бумагу хотел спрятать в сейф, но раздумал, не стоит рисковать, заберу домой, так будет надёжней. Я уже в этом кабинете почти никто.

– Ещё один момент, Олег. Во всём этом есть небольшая тонкость. Бумагу ты написал – это хорошо, но надо ещё делом подтвердить наше сотрудничество. Я не думаю, что ты начнёшь двойную игру, но всё же... И не я это придумал. Наши, которые в войну с немцами сотрудничали, кровью были повязаны. Своих расстреливали, чтобы назад отскочит соблазна не было. Да и ваши такой же методой пользуются, покупая наших. Так что извини, но в три дня дай мне любую информацию, пока твоё дело за сроком давности актуальности не потеряло. Одну любую информацию и гуляй себе без претензий.

Своего нового сотрудника я лично вывел на улицу, на свободу. Он отвлек меня от главного дела почти на два часа.

«Секрет» в деле инкассаторов

В восемь вечера собрался весь наш детективный коллектив. Первым рассказал о своих не очень плодотворных розыскных мероприятиях Сысоев. Никаких улик не обнаружено, разве что маршрут определил, на котором нет ни одной камеры слежения. У второй группы такой же результат, что, в общем-то, логично. На первый раз все предсказуемо, но опять же, мои коллеги копытами землю не роют, и рыть не собираются. Это у них явно в глазах проскальзывает. К большому сожалению, но это не та команда, с которой можно добиться нужного результата. По крайней мере, сегодня. Они инициативы не проявляют, и никаких версий не выдвигают. Получается, что результат моих коллег по большому счёту не волнует.

Я же одну особенность подметил, и совсем недалеко от места преступления. Но пока не могу этот штрих никак привязать к убийству инкассаторов. Не могу его четко представить, как одну из составляющих преступления. Может быть ещё что-то выплыло бы, но пешком много не находишь, да и время потерял с карманником.

– Как я понял, никаких зацепок нет...

– Почему никаких? Выяснили, что на выезд из города есть две дороги без камер видео наблюдения.

Сысоев изображает настоящего следака.

– Эти дороги в никуда. Одна – на заброшенный завод, другая – в дачный кооператив. Развалины завода, как и дачников, уже «прошерстили» наши оперативники. Вы нашли хоть одного свидетеля? Нам нужен хотя бы один человек, видевший мотоциклистов.

– А ты сам что-нибудь «нарыл»?

Зама явно напрягает мой командирский тон. Не хочет понять простую истину: я – действующий сотрудник полиции и опытный оперативник, на счету которого семь раскрытых преступлений. Это не много, если разбросать по годам службы. Получается, чуть больше одного в год. Но и таким результатом не могут похвастаться ни в нашем отделе, ни, тем более, вот эти мои любители. А если сказать честно, то у меня к розыскной деятельности способности. Может, звучит нескромно, но это факт. И судьба ко мне благоволит, вот и сегодня подкинула очередного сексота. Так презрительно называют осведомителей в бытовой среде, не понимая, что от их деятельности спокойно и безопасно живётся большинству.

– У меня результат тоже нулевой, хотя кое-что есть. И это что, пока в стадии версии, вернее, интуиции, которую я ещё не могу даже сформулировать и, тем более, объяснить.

– Ты этим с нами поделишься?

Эх, Олешка, никак ты не можешь понять простую истину: личное превосходство всегда должно подтверждаться делами. Раскрой ты это дело или хотя бы версию убийственную подкинь, и моё уважение поднимется к тебе на три порядка. А пока я убеждаюсь в одном, частной розыскной деятельностью должны заниматься не просто профессионалы, а спецы выше среднего уровня. И когда я вплотную займусь своим детективным агентством, то наберу сотрудников из уголовного розыска. А любителей, типа тебя, господин Сысоев, работающих по настроению, буду обходить десятой дорогой. Конечно, я это вслух не высказал, а только подумал. Не время сейчас ссориться по-крупному.

– Пока нет. Это ещё у меня крутиться где-то в подсознании. Говорю же, что я это ещё и приблизительно не могу сформулировать. Вот что-то мелькнуло в голове, а что?.. Пока не понятно. А вы ничего неординарного не заметили по интересующему нас району? Что-нибудь такое, что наведёт нас на ключик, который раскроет преступление. Ну, не могли преступники долго «светиться» с двумя большими мешками. Это факт неоспоримый. Конечно, ночь и темнота на их стороне, но и малочисленные прохожие в это время суток очень боязливы и внимательны.

Дело пенсионеров

– Ладно, хорош по этому делу. Что у нас со стариками-пенсионерами, которых грабят две солидные дамы, прикидывающиеся социальными работниками?

– Да тоже пока ничего стоящего нет. Преступления совершаются в разных районах города, логики никакой. У всех пострадавших мы показания сняли, фотороботы составили. Я думаю, что это бывшие работницы органов опеки. Уж больно хорошо они знают своё дело. Я попытался выяснить в пенсионном фонде и в других подобных учреждениях сведения об уволенных работницах, но они с частными детективами даже не хотят разговаривать.

Олег снова посмотрел на меня вызывающе.

– Что дальше думаете предпринять? Ведь бабушки – дедушки обещали скинуться нам на молочишко. А это живые деньги.

– Что ты нас всё время пытаешь? Ты начальник, ты и руководи...

Наконец-то Сысоев признал моё главенство публично, что и требовалось доказать.

– Ну, если я начальник, то тогда слушайте и запоминайте. Во-первых, надо известить как можно большое число пенсионеров. Объяснить им суть происходящего и дать номера наших телефонов. И обязательно проконтролировать, чтобы они их забили в свои мобильники. По квартирам пока не ходите, нужно найти какие-нибудь сообщества пенсионеров. Может там хор какой-то в районном ДК или театр художественной самодеятельности. Я уверен, есть такие места, где пенсионеры массово собираются. Ну и дворы большие не обходите стороной, а я по своим каналам попробую раздобыть списки одиноких дедушек и бабушек. Преступницы точно знают к кому идти, к кому соваться нежданно гостями. В общем, чем большее число пенсионеров вы предупредите, тем у нас больше шансов добиться результата, а соответственно и денег. Задача на первый взгляд кажется невыполнимой, но это не так. Из всей массы пенсионеров нам нужны только одинокие люди, только они интересуют преступниц. Думаю, что таких не очень-то и много.

Аня смотрит на меня взглядом примерной ученицы на любимого учителя. В нём явно читается любовь, гордость и полное понимание. И вроде всё это, как бы слегка наигранно.

Следующим утром еду на окраины города, на стационарные посты ГИБДД. Мне нужны видеозаписи всего транспорта, который выехал из города в ночь преступления. И главное время здесь с семи утра и до восьми, когда сотрудники этих самых постов готовятся смениться и службу правят в полглаза. Из наблюдений автолюбителей, в это время самое малое число остановок и проверок транспорта.

Первый пост, и мне сразу везёт. Нос к носу сталкиваюсь со старшим лейтенантом Аношкиным. Мы с ним хоть и не друзья, но относимся друг к другу с пониманием. Уважение вызывает его серьёзное отношение к розыскной работе. Мне импонируют люди, которые больше слушают, чем говорят. За последнее время у нас сложились почти дружеские отношения. По крайней мере, пару раз выпивали после службы. И сейчас он несколько не удивился моему негласному вмешательству в дело.

Всё отлично. Всё просто идеально. Время всего двенадцать дня, а у меня скопированы записи со всех пяти постов на периметре города. Вот что значит понимание и взаимовыручка. Мысленно благодарю старлея, в долгу не останусь. А сейчас остаётся самое главное и очень нудное, смотреть и ещё раз смотреть до одури, кто покинул наш город той тёмной ночью.

«Золотая» информация

Вечером неожиданно позвонил Кант и назначил встречу на вокзале, на перроне электрички. Это очень хорошо. Парень проникся важностью работы и, думаю, по пустякам меня дергать не будет. Почему на вокзале? А где ему ещё по карманам лазить? Как раз у касс вокзальных.

Информация агента ценная, но довольно расплывчатая. Матёрый уголовник по кличке Стайер позвал его на дело. Хочет хату крутую взять, а без подельника никак. Кант вежливо отказался, не вникая в дело. Ему не нужен срок от семи до двенадцати. Да и вообще он не хочет со Стайером связываться, тот бывает неадекватен. На его счету не один покалеченный.

– Примерно когда он пойдёт на дело?

– Как найдёт подельника.

– Где он обитает?

– Сейчас у марухи одной зависает, на Котовского. Квартира в первом подъезде на втором этаже. На ней номера нет, но по уму четвёртая. Есть у него и своя хата, комната в коммуналке, но там он почти не бывает. Я в ней с ним ещё до отсидки пересекался.

– А он давно с зоны?

– Давно. Я уже трёшку отмотал, и до моего срока он столько же гулял.

– Понятно. Адрес давай его второй хаты.

– В самом центре на Белинского. Там такой дом один, сталинской постройки. Жёлтая пятиэтажка, третий подъезд, последний этаж. Там три комнаты в квартире, его первая от входной двери.

– Как я понимаю, ты от него будешь подальше держаться?

– Совершенно в точку. Мне головняк не нужен.

– Ну и лады. Спасибо за информацию. Считай, что ты свой взнос сделал. Будет что, сообщай и не теряйся. На том и разбежались.

Выпасти Стайера нереально. Мы не в Штатах, круглосуточное наблюдение за ним не выставишь. И микрокамеры нет в наличии, такая стоит бешеные деньги. Так что остаётся только одно, внимательно следить за сводками преступлений. Как только появится ограбление богатой квартиры, сразу беру Стайера за жабры. Надо продумать все так, чтобы его задержание выглядело чистой случайностью. Ни малейшей тени не должно упасть на моего агента. А чтобы мои детективы не скучали, занял их не пыльной, но нудной работой. Установил слежку за подъездом дома на Белинского. У Стайера должен появиться подельник, моя задача выяснить, кто это будет. Анка с Ваней Юдиным наблюдают весь день за подъездом, снимая всех входящих и выходящих мужиков на Анин крутой мобильник. Остальные трое занимаются пенсионерами. Темп у них взят хороший. Думаю, что финансовый бонус в этом деле нам обеспечен.

Через базу данных МВД нашёл дело Хижняка Валерия Дмитриевича, 1969 года рождения, первый раз судимого за квартирную кражу. Второй раз господин Хижняк «спалился» на ограблении продовольственного магазина. Общий срок отсидки – двенадцать лет. Кличка в уголовном мире Стайер, в молодости серьёзно занимался бегом. Был чемпионом области на сто метровке среди юношей. Мне эти детали не очень-то интересны, мне нужна его фотка. Мои сотрудники должны знать «объект» разработки в лицо. Переснял три имеющиеся в деле фотографии. Не очень чёткие, но всё же. Это всё равно лучше, чем ничего. Всё пока идёт по плану.

Дело инкассаторов буксует. Аношкин держит меня в курсе расследования. Усиленная опергруппа проверила тщательно все пути отхода бандитов, а также просмотрели все записи видеокамер в этом районе. Результат нулевой. Теперь они трясут инкассаторов, пытаются выяснить, кто навёл бандитов на самый большой инкассаторский сбор. Лично я думаю, что это

пустой номер. Никто никого не сдавал и не наводил, преступники сами вычислили нужную инкассаторскую машину. Это, в общем-то, не сложно, если иметь постоянное место для наблюдения за рестораном, а заодно пару раз сопроводить сборщиков денег. Почему именно за рестораном? К нему обычно последнему инкассаторы подъезжали, хотя имели каждый раз определённую схему сбора денег. Оперативники выяснили, что пока в ресторане готовят деньги к сдаче, а с этим ресторанные обычно запаздывают, инкассаторы успевают на халяву поужинать. И не просто откусать, а с водочкой, а то и с коньяком. Вариантов немного, наблюдать могли из машины или из дома напротив ресторана. Начинаю проверять квартиры в этой пятиэтажке на предмет их сдачи в наём. Но пока это вторично, сейчас главное взять Стайера, грабёж случится со дня на день.

Через день вычислили по снимкам с телефона подельника Стайера, который засвечен в базе данных МВД. Это некий Георгий Порякин, среди блатных Жора – «Пончик». Он и вправду упитанный молодой человек двадцати семи лет от роду, из которых шесть провёл в местах отдалённых и не очень сытых. Наверное, потому то и отъезжает на воле, где, как я понимаю, он человек временный. Его путь на нары определён однозначно.

Наблюдали, и мягко говоря, просрали выход криминального дуэта на дело. Я узнал об ограблении квартиры известного артиста эстрады и кино из криминальной сводки. Преступники взяли хороший куш. Не считая мелочёвки, в виде всяких побрякушек из золота, которые тянут не на одну тысячу рублей, они прихватили домашний сейф, в котором, по словам потерпевшего, восемьдесят тысяч долларов США. Если сказать, что наши соседи – опера из Советского района стоят на ушах, это не сказать ничего. Звезда шоу бизнеса уже пожаловался, кому следует и грозитя дойти до самого президента. Ведь всё кровно заработанное умыкнули, оставив голым и сырым.

Срочно беру больничный, чтобы не отвлекаться. И вместе с Олегом Сысоевым веду наблюдение за сталинской пятиэтажкой, в которой, по моим предположениям, отсиживаются Стайер с Пончиком. Ума не приложу, как провести задержание, чтобы тень подозрения не упала на Канта. А чтобы гарантировать успех, звоню Аношкину. Молодой то молодой, а нюх отличный, не вникая в детали, примчался сразу. Понимает, что по пустякам не сорву со службы.

«Пончик – лимончик», «Стайер» и козырное дело

Просидели в машине в утомительном ожидании с одиннадцати утра и почти до четырёх дня, пока из подъезда не показался Пончик. И у меня сразу нарисовалась идея, при виде его упитанной фигуры.

– Олег, продолжай наблюдать, ты старлей вызывай сюда наших патрульных. Трёх человек хватит. А я пока кое-что подкорректирую в этом деле. И ещё, когда подъедут, пусть за углом встанут и из машины не выходят. Я сам проведу инструктаж.

Догоняю Пончика у продовольственного супермаркета. Всё понятно, ребята подхарчиться решили, обмыть удачное дельце.

– Стоять, Пончик-лимончик! Дёрнешься – пристрелю. Ствол Макарова упёрся оппоненту в область печёнки. Левая рука захватила ухо. Таращит на меня непонимающие и пока что не очень испуганные глаза. Неохотно, но всё же отступает за угол дома, все дальше от шумной и многолюдной улицы.

Это не мой метод, но выхода нет. Надо показать этому кадру, что с ним не шутят, и если что пойдёт не так, то результат для него будет плачевный. Отпускаю ухо и резко бью в район правой почки. Бедолага от боли чуть сознание не потерял, но через минуту смотрит на меня уже вполне осознанно, утирая рукавом мокрый от пота лоб.

– У тебя ровно пять минут на принятие решения. Хату Стайера только что взял ОМОН. А я тебя могу отпустить прямо сейчас домой к сладкой жратве и выпивке в обмен на полное сотрудничество.

– Я ничего не знаю. Вы меня с кем-то спутали, – а лоб-то по новой взмок.

– Ты не понял. Не хочешь использовать свой последний шанс? Тогда топаем в полицию, но за хату известного артиста огребёшь червонец. Тот уже президенту пожаловался, вся полиция на ушах стоит. Ну как? Созрел?

– Чё ты хочешь? Чё тебе надо?..

– Будешь на меня работать, на оперативника Федора Углова. Ты и я, больше никаких посторонних. Будешь «сливать» мне информацию о братве, и всё. Не переживай, этим многие из ваших грешат. Думай скорее, у меня времени нет.

– Я соглашусь, и ты меня отпустишь?..

– Прямо сейчас пойдёшь домой, а там водочка и закуска козырная. Я же у тебя «бабки» не конфискую. Вот только не сдаст ли тебя Стайер? По большому счету, ему это не выгодно. Нафиг ему групповуха, да ещё во главе. А так ты ему грёв на зону будешь слать. Думаю, что не сдаст. Ну как, сотрудничаем?

– Согласен, начальник. Так я пошёл?..

– Ну, ты даёшь. Вроде на дебила не похож. Оружие у Стайера есть?

– Нет, в этом плане он чистый.

– Когда вернёшься, как себя определишь?

– Ногой по двери постучать и сказать, мол, я.

– Дверь мощная?

– На раз не выбить.

– Сейф в квартире?

– Там родимый, куда ему деться?!

И только после этих слов до преступника дошло, что никакой ОМОН квартиру не брал. А возьму его подельника я, стоящий перед ним оперативник, которому он чётко обрисовал ситуацию. Вишь ты, как глазками заморгал и губками зажевал, будто воздуха ему не хватает.

– Ну-ну, дорогуша, только без истерик и обмороков, не до этого сейчас. Дело сделано, и ничего уже назад не повернёшь. Так что повторяй за мной чётко и отдельно: сведенья

об ограбленной квартире и главаре Хижняке Валерии Дмитриевиче, по кличке Стайер, находящемуся сейчас в своей квартире на Белинского, рассказал полностью оперативнику Федору Углову.

Через минуту формальности были закончены, а новому агенту продемонстрирована запись на диктофоне мобильного.

– И ещё одно, не вздумай позвонить. Давай-ка телефон сюда. – Пончик отдал свой навороченный телефон, и у меня сразу «нарисовалась» идея. Для гарантии надо подстраховаться, в этом деле лучше перебздеть, чем наоборот. Включаю диктофон на телефоне Пончика. – Ещё раз повтори все сведенья о Стайере на свой телефон, гарантия не помешает. Да и на твоём крутом запись чище. – Он неохотно, но всё же выполнил. – Кстати, чуть не забыл. В квартире трое жильцов, как к каждому звонить?

– В нужную вам квартиру два длинных, а в остальные не знаю.

– Ну, теперь можешь домой валить. Не дай Бог, позвонишь – предупредишь поделщика! Обещаю, пожалеешь. Завтра тут же встретимся, вот на этом же месте и в это же время. Телефон верну. Не вздумай свалить.

Парень засеменял сгорбившись. Всего десять минут назад был на коне, с отличными перспективами на жизнь, а сейчас – в полном дерьме. Почему в дерьме? Совсем нет. Он на свободе, а это уже не мало. Конечно, не повезло, но тут уж ничего не поделаешь, каждому своё.

Аношкин Пончика не знает, а Сысоев хоть и не понял моих намерений, ума хватает молчать. В УАЗике трое наших патрульных. Выбираю самого здорового, прапорщика Диму Сизова, у которого косая сажень в плечах.

– Дима, ты у нас за главного. Вы приехали по анонимному звонку от соседей. У них в коммуналке бандит притон организовал, по ночам шумит, спать мешает. Ты с нарядом проверяешь этот сигнал бдительных соседей. Я и Аношкин понятия, к полиции отношения не имеем. Твоя задача нейтрализовать бандита, который им и является на самом деле, и соответственно провести обыск на предмет наркотиков и оружия. В комнате должен быть сейф, такой небольшой, килограмм на сорок. Он наша главная цель. В квартиру я захожу первым, и по ходу решаю, что к чему. Ну, это в плане как выкурить товарища из комнаты. Там дверь мощная. Сразу прикинешь – сможешь ли ты её выбить. Ещё парочку понятых возьмёшь из жильцов. Ты там самый главный, я и Аношкин не при делах, мы не из полиции.

Дверь в нужную квартиру обита дешёвым дерматином, но сама по себе выглядит внушительно.

– Дима, сможешь её вырвать?

– Не получится, открывается наружу, ухватиться не за что. Ручка дверная дохлая, сразу отвалится.

– Всё понятно. Ещё раз напоминаю: поступил сигнал от жильцов, ты из патрульно-постовой службы, приехал проверить сигнал и навести порядок. Не обижайся: повторение – мать учения.

Звоню один раз и напряженно жду. Я впереди, ничего не могу с собой поделывать, никому не доверяю. Через минуту солидно щёлкнул засов, за открывшейся дверью пожилая женщина в байковом халате и цветастой косынке, под которой просвечивают бигуди. Не успевает удивиться, как оказывается на площадке. Вытянул её деликатно, но с настойчивой неотвратимостью.

– Ваш сосед Хижняк дома?

– Валерка что ли?

– Он самый, Хижняк Валерий Дмитриевич. Так он дома или нет?

– Дома. Только что в туалет прошмыгнул.

Дальше не слушаю. Почти врываюсь в квартиру. Сизов молодец, за мой шаг в шаг. Успели вовремя, в туалете зашумел унитаз. Дима выдвигается вперёд. Дверь туалета открывается.

Мужик в китайской синтетической трикухе, в белой майке, подчеркивающей не хилую мускулатуру, оказывается лицом к лицу с прапорщиком. Мгновенного оцепенения хватает, чтобы полицейский просто взял его за руку. И взял так, что все попытки освободиться – вырваться оказались из области фантастики.

Дверь в комнату на замке, а ключ в кармане трикухи хозяина. Всё так просто получилось, что даже не верится. На круглом, древнем столе светлой полировки стоит стальной ящик – сейф, рядом электрическая дрель с набором сверл. Стайер валится на пол, губы синеют, дышит часто и загнанно. Видно у преступника сердечный приступ. Сизов вызывает скорую. Соседка, которая нам открыла, приносит таблетку нитроглицерина и валерьянку. Вливает вонючую жидкость в рот Стайера, при этом приговаривая:

– Вот до чего досверлился-то, всю ночь не давал покоя своим жужжаньем.

Я с Аношкиным, как и другие жильцы этой квартиры, в роли понятых. Дима при них делает обыск, выкладывая на стол всё новые и новые улики, которых уже целая гора. Вот почему Стайер не мог обойтись без подельника. Одному точно всё это не унести, сейф не меньше сорока килограмм весит.

Если бы не вербовка Пончика, я бы это дело повесил на свой личный баланс. А так отдаю все лавры Аношкину, да и не хочу уже работать под началом подполковника Зуева. Нынешняя служба мне в кайф, отдежурил сутки и трое свободен, занимайся своими делами, никто тебе не указ. Почестей, конечно, меньше, а зарплата та же. Вот и сейчас поеду домой, где проведу остаток дня за компьютером, просматривая записи с постов ГИБДД. Предчувствие: где-то в этих записях ключ к разгадке преступления по убийству инкассаторов. В общем, моя миссия окончена и я отваливаю.

Бунт на «корабле. Аня Морозова – моя любовь

В моём детективном агентстве самый настоящий бунт, который организовал и возглавил Сысоев. Ему, видите ли, не нравится, что все лавры по раскрытию преступления, я имею в виду дело Стайера, ушли в полицию. Пытаюсь объяснить, доказать, но всё бесполезно. Делаю последнюю, контрольную попытку:

– Олег, взвесь всё трезво. Ну, какие дивиденды мы могли снять с этого дела? Только головняк с уголовниками. На нас могут «наехать», чтобы отомстить за своих. А нам нечем защищаться, примитивного травматика в наличии нет, не говоря уже о более серьезном оружии. А так я получаю некоторые привилегии, на те же личные расследования закрывают глаза, по службе не сильно дёргают, и в случае чего, всегда прикроют. Главная цель нашей работы – деньги, а в этом случае они нам однозначно не светят. Умные люди в полиции знают, кто раскрыл преступление, и в дальнейшем не будут нам мешать, надеясь на повторную халяву. Это преступление для нас вторично, так сказать для разминки мозгов. Главная наша цель на сегодня – грабеж пенсионеров. Давайте на нём сосредоточимся, и за это премиальные получим.

– Как мы это раскрутим, если в городе тысячи пенсионеров? А раскрытие кражи в особо крупных размерах для рекламы нам бы не помешало. Звучит-то как: «Частное детективное агентство раскрыло кражу века в нашем городе. Обезвредило преступника, который ограбил квартиру известного артиста».

Слава Богу, Сысоев не вспоминает про второго преступника.

– Реклама – вещь хорошая, согласен. А вот раскроем ли ещё что-то подобное? Это вопрос открытый. Надо сначала стать профессионалами, а уж потом себя пиарить, не рассчитывая на халяву. Сейчас на повестке дня пенсионеры.

– Что ты докопался до этих пенсионеров. Мало ли дел попроще.

– Таких дел может и не мало, вот только их и без нашей помощи эффективно расследуют. Так что давайте сосредоточимся на реальном, при этом нарабатывая профессиональные навыки.

– Извини, Угол, но я в этом больше не участвую. Мне работу предложили приличную, так что я с частной розыскной деятельностью завязываю. Кстати, ты обещал с зарплаты денежек на бензин подкинуть.

Всё понятно, Олег видно давно решил уйти и ждал только подходящий случай. А деньги приплёл только для того, чтобы в последний момент не спасовать, не передумать и остаться. Зарплата у меня приличная по городским меркам, почти шестьдесят тысяч без премиальных. Отдаю Сысоеву десятку. Покинуть агентство решила и Катя, что, в общем, логично. У неё виды на Олега, мельком слышал, что она в игорный бизнес прорывается, вроде как крупье хочет стать, а заодно и женой Сысоева. И тоже требует полный расчёт, как будто я её на работу брал с гарантированной зарплатой и прочими привилегиями. Но, как говорится, не стоит наживать врагов на пустом месте. Пусть лучше они себя чувствуют виноватыми, что позорно спасовали. Отдаю и ей десятку.

Через день пришлось расстаться еще с двадцатью тысячами. Ушли оба молодых пацана, не объясняя причин. Да я этим сильно не заморачивался, с них толку мало. Они не профессионалы, поиграли в сыщиков, надоело, пошли дальше. И вот я наедине с последней сотрудницей, которая по своим профессиональным качествам больше бухгалтер, чем агент частного сыска. Она сейчас смотрит на меня с такой жалостью и тревогой, что хочется её не только успокоить, но и утешить.

– А ты Аня, не надумала уходить? Решай быстрее, пока у меня осталась десятка в кармане.

- Я остаюсь, да толку с меня, с бухгалтера... Не сыщик я однозначно.
 - Аня, я давно хочу тебя пригласить в ресторан. Давай сегодня куда-нибудь забуримся, хорошо покушаем и слегка выпьем – расслабимся.
 - Хочешь прогулять свои последние деньги? А на что жить будешь?
 - Родители прокормят.
 - Не очень-то верится, что ты за помощью к мамочке побежишь.
- Одарила незамысловатым комплиментом. Всё равно приятно, когда тебя хоть и на словах, а за крутого мужика держат. Это точно, я к родителям за помощью обращусь только в крайнем случае.
- Не надо мою самооценку поднимать, со мной всё ясно и понятно. Так что, гуляем или как?
 - Ты прямо как одессит заговорил. А что отмечать будем?
 - Распад нашей детективной команды. Отличный повод выпить до потери пульса.
 - Ты напьешься, а мне что делать? Я не пью.
 - Будешь охранять босса и жалеть себя, что так неудачно трудоустроилась. Ну как? Гуляем?
 - Гуляем, босс! А в каком ресторане зависнем по тяжёлой?
- А у девочки с юмором всё в порядке. Это очень обнадеживает. Даже близко не предполагал, что у неё такое прекрасное качество.
- Я не знаток питейных заведений города. Мы на своём ментовском уровне больше по барам и шашлычным западаем. Не поверишь, я ещё ни в одном приличном ресторане не был.
 - Не много потерял. Беру инициативу в свои руки, как опытная и крутая дама. Есть одно хорошее заведение, называется у «Егорушки». Ты только поприличней оденься.
 - Поприличней? Это как?
 - Ну, мокасины новые и джинсы европейские. Рубашка и пуловерчик, чтобы были не заношены.
 - А если у меня такого нет?
 - На нет и суда нет. Пойдём, значит, в шашлычную пиво пить.
 - Я слышал, что ты пиво вообще не перевариваешь.
 - Что делать?! Придётся себя пересилить, не бросать же начальника. А если у тебя и вправду надеть нечего на торжественное мероприятие, пошли в магазин, приодену слегка.
 - Ты это серьёзно?
 - Вполне. И для мужчин одежда лишней не бывает.
 - Может, мне надеть парадный мундир полицейского?
 - «У Егорушки» в такой одежде стрёмно появляться. Извини, за уличный сленг, но я другого слова просто не могу подобрать. Пошли скорее в магазин, пока я увольняться не надумала. Заберу твою последнюю десятку, и ты останешься без красивой одежды и приличного ужина в ресторане.
 - Ты такая боевая, никогда не подумал бы. Косила под тихую скромницу.
 - Узнаешь поближе, вздрогнешь. Кстати, ваш жаргон при разговоре с приличной девушкой неуместен, молодой человек. Идём в магазин или как, одессит без Одессы, – засмеялась Анка.

Никогда не думал, что покупать джинсы тяжело, нудно и долго. Оказалось, что их видов больше сотни в специализированном магазине «Джинсовый мир». Я уже через двадцать минут был в полном ступоре от одних примерок. Мне было немножко стыдно перед красавицами продавщицами, что я и моя девушка, такие привередливые, и на которых Аня не обращает внимания. Что говорить, она городская девушка в третьем поколении. И ей всё что-то не нравится. Я уже полчаса торчу в примерочной, куда она заносит эти самые джинсы, чуть ли не ворохом.

Наконец, Аня удовлетворённо хмыкает. Я с надеждой смотрю на неё, она на выбранные тёмно-синие американские джинсы. Всё отлично, кроме цены в пять тысяч рублей. Я больше чем за полторы на китайском рынке не покупал.

С рубашкой Аня решила быстро: однотонная, чуть посветлее джинсов. И с пуловером проблем не возникло: светло-серый, классический, с треугольным вырезом воротом. А цена семь тысяч с копейками за две вещи. Я почти в нокауте. Думал же прослушку приличную приобрести. А когда начали примерять турецкие мокасины за четыре пятьсот, то я сказал подчинённой открытым текстом:

– Я искренне сожалею, но ресторан, как и эти туфли, отменяются. Я полный банкрот.

– Я столько сил положила, чтобы ты круто выглядел и соответствовал, так сказать, приличному обществу, и на тебе – всё отменяется... Если дело только в деньгах, то это не вопрос. Займи у меня десятку. Надеюсь, что в ресторане ты не станешь всех шокировать купеческой удалью. Ну, там шампанское вёдрами, цыгане с песнями и плясками.

– Какие цыгане? У меня денег ни копейки, а зарплата только через месяц.

– Не переживай, положишься на единственную сотрудницу твоего детективного агентства. Ты в надёжных руках.

– Прямо скажем, не ожидал. Твои скрытые таланты заиграли всеми своими бриллиантовыми гранями.

– А мы, оказывается, умеем комплименты дарить! Это очень вас поднимает в моих глазах, молодой человек. Куда везти?

– Домой. Надо отдышаться после шопинга, помыться и переодеться.

– В присутствии дамы надо говорить: «Приму душ». А то люди могут подумать, что редко моешься. Я за тобой заеду в семь вечера.

– Никогда не думал, что узнаю столько нового за очень короткий срок. Такой темп меня даже слегка пугает. Кстати, душ я принимаю ежедневно.

– Я не только так думала, я верила в это, – девушка засмеялась.

Когда Анка смеётся, лицо её становится опасно красивым.

– А ты в ресторане пить будешь?

– Мужчина, я не пью. Могу пригубить хорошего вина. И не больше.

– Извини. Но я это к тому, что ты за рулём. Может, без машины обойдёмся?

– Я уже не могу без моей малышки. Да и ты как-никак, а полицейский. Думаю, прикроешь, – она посмотрела на меня хитро, улыбаясь.

– Без «базара», если, конечно, в стельку не напьёшься. Я, кстати, всегда считал тебя немножко заторможенной, такой тихой серой мышкой – бухгалтершей.

– А вот хамить и утверждаться за мой счёт не надо. Мне твоя крутость прекрасно известна. Я отлично знаю, кто чего в нашей фирме стоит.

– Я не хамлю и не утверждаюсь. Ты у нас тихой девочкой сидела, бухгалтерию в основном вела. А вот сейчас прямо вся из себя раскомандовалась. Да так, что я, можно сказать, чуть ли не в ступоре, со мной такого ещё не было.

– И это для тебя так неожиданно, что ты ввёл в оборот такие слова, как «базар» и «в стельку»?

– Именно так, совершенно в точку. Вылезло, понимаешь ли, из меня пролетарско-бандитское. Сама знаешь, где тружусь. В общем, ты для меня полнейшая неожиданность.

– Не представляешь, какие тебя ещё ждут открытия!

– Хорошие или не очень?

– В основном хорошие. Можно сказать, даже отличные.

– Успокоила, а то я даже стал немножко мандражировать.

– Если, конечно, можно, то забудь свои ментовские выражения хотя бы на сегодняшний вечер. Мы воспитанные, интеллигентные молодые люди из приличных семей. И ни шага в сторону от этого.

– Ты позвонишь, когда подъедешь или мне у подъезда ждать?

– А ты как думаешь? Тест на сообразительность и порядочность.

– Ровно в семь я у подъезда.

– Можем же, если захотим. Ты всё выше и выше поднимаешься в моих глазах, – Анка засмеялась, а я почему-то смутился.

Ресторан как ресторан, ничего особенного. Но и дешевизны, бросающейся в глаза нет. Медленные танцы под плачущую скрипку, никаких тебе разудалых плясок. Все чинно и солидно. Черноокая и вся из себя красивая певица исполняет свой песенный репертуар без микрофона. Я уже притёрся к новым вещам и чувствую себя просто отлично. Прямо весь из себя такой ладный, широкоплечий и стройный. В обычной одежде на это как-то внимания не обращал. На спутнице обтягивающее светло-серое платье, которое откровенно подчеркивает её изящную фигурку. Смотрю, что уже многие мужики косятся в её сторону, но не решаются при мне глазеть откровенно. Когда в фойе, у огромного, на всю стену зеркала я увидел себя и Анку, мне показалось, что мы созданы друг для друга. Прямо идеальная пара как внешне, так и, возможно, внутренне. Второе определит время, лучший судья во всём.

Зал заполнен на три четверти, за четырёхместным столиком мы одни, на котором в хрустальном графинчике триста граммов коньяка «Хенесси» для меня, и вся из себя красочная бутылка итальянского вина для дамы. Для неё же два экзотических салата, для меня громадная отбивная из телятины.

– А ты почему без мясного?

– Здесь так положено. Сильные мужчины употребляют исключительно мясо, если они, конечно, мачо, а хрупкие и нежные дамы лёгкие салаты. Прелесть этого ресторана в том, что отсутствует дресс код. Не надо вырядиться в обязательные вечерние платья и костюмы. Хотя народ собирается здесь приличный: средний класс и даже немножко выше. Главное, чтобы все были одеты в брендовую одежду. Китайский ширпотреб здесь не котируется и, в общем-то, презираем.

Мы танцуем через танец. Триста граммов коньяка – доза для меня не критичная, можно сказать, даже слабая, но перебор сегодня исключён. У меня по плану продолжение этого романтического вечера до утра (как минимум). И моя спутница явно не против. Она уже изрядно разогрела меня плотными танцами, её тело покорно и податливо прижимается ко мне. А мои руки уже изучили её талию и чуть-чуть бёдра. Если честно, то я бы уже отбыл с Аней к себе на квартиру, но в этом заведении свои правила, и мы выбираемся на улицу только в первом часу ночи. Очень неприятный момент в виде счёта за ужин, почти пятнадцать тысяч рублей. Понятно, почему здесь тусуется определённая публика, голытьбе это просто не по карману. Чувствовал себя последней дешёвкой, когда Анка передала мне эти пятнадцать тысяч. Успокаивает одно – это долг и никак иначе. Чувствовал себя так паршиво, что остатки коньяка замахнул одним глотком, не смакуя, как здесь принято. А это больше ста граммов, и хорошо, что девушке хватило ума не смотреть на меня в этот момент осуждающе, настроение упало бы еще ниже. А она улыбнулась ласково и увела танцевать. Прижалась так плотно, что невыносимо захотелось остаться с ней поскорее наедине. И Анка это почувствовала, так что за стол мы больше не вернулись.

Вот и мой дом, пора решать вопрос кардинально. Не выпендриваясь, без страстных поцелуев и тисканий, спрашиваю:

– Ко мне?

– Я не против, если у тебя постель свежая, – улыбаться-то улыбается, но глаз не отводит. Понятно, что это для неё важно.

– У меня один комплект совершенно новый. Устраивает?

– Вполне. Мама, наверное, об этом заботиться?

Я не ответил на эту подколку, на уме совсем другое.

Всё у нас получилось просто и отлично, как у супругов со стажем. Аня по-хозяйски сменила постельное бельё на новое и, молча, ушла в ванную. Когда я после неё вернулся в комнату, она лежала в постели. Всё было предсказуемо и спокойно, пока наши губы не соединились, мы просто взорвались. Рассуждая здраво после всего произошедшего, мне подумалось, что «этого» у нас обоих долго не было.

Я люблю просыпаться не спеша, когда утром не надо никуда торопиться. А когда проснулся рядом с женщиной, с которой у тебя все так славно сладилось, и от которой не будет отказа, по крайней мере, сейчас, когда мы оба голые. То всё происходящее сравнимо разве что с высшим пилотажем, а может быть, с наступившим коммунизмом, про который я читал в книжках. Удерживаю подругу от попытки убежать в ванную, обнимаю, и она, расслабившись в моих руках, закрывает глаза. Дыхание у нас участилось до предела.

Что на меня накатило, не знаю, может, усталость скопилась, я отрубился почти на два часа. И когда очнулся от тяжелой полудрёмы, первое что почувствовал, это аппетитный запах чего-то жаренного. Анка появилась из кухни в сексуально короткой моей рубашке на голое тело. В такой короткой, что мне её захотелось невыносимо. Но она, видно предчувствуя такой вариант, ближе метра ко мне не подходит. Можно сказать, умоляю:

– Иди ко мне...

Улыбается в ответ:

– Рада бы, да у меня яичница подгорит. Вставай завтракать, – и гибко увернулась от моего рывка в сторону, приветливо помахав мне уже из кухни.

Раз поднялся, пришлось идти в ванную, а было желание ещё подремать часик-другой. Завтра на суточное дежурство заступать, так что сегодня можно вообще никуда не выходить, тем более, все мои подчиненные разбежались. Надо будет еще раз просмотреть записи с постов ГИБДД, где-то в них скрыта нужная информация.

Никогда не думал, что простая яичница, моё основное блюдо на завтрак, может быть такой вкусной. Наверное, от того, что лук и молочная колбаса крошены мелко-мелко. В общем, нереально вкусно! А обжигающий кофе со сгущёнкой, поднял настроение до высшего бала успеха. Если после такого роскошного завтрака ещё нырнуть в постель, да не одному... Это будет на грани фантастики! Оказывается, как мало человеку надо.

В постель-то я нырнул, но только один. Анка решительно уклонилась от такого предложения. Мол, выпалась отлично, а если на счёт этого, то она ещё пока не хочет. Ну, это её личное дело, а я подремлю часик-другой. Как говорится, минута сна – мешок здоровья. От переизбытка сна ещё никто не загнулся, одна только польза от него. А мне, оказывается, нравится спокойная работа, без внеплановых дёрганий среди ночи. Сутки отдежурил, не суетясь, и трое отдыхаешь. Вроде даже мысли не держу о возвращении на оперативную работу. В приятных мечтах о спокойной жизни заснул и проснулся, когда Анка нырнула ко мне под одеяло. С утренней радостью обнял её, у нас получается всё отлично!

Дело инкассаторов – мое дело

Время три часа дня. Я за компьютером. Наверное, в десятый раз просматриваю видеозаписи с постов. И утверждаюсь в мысли, что преступники, возможно, не местные. Ну не станут городские заморачиваться мотоциклом, им проще машину под это дело угнать. Нафиг им какая то экзотика. А у преступников возможно, мотоцикл – основной вид транспорта. Машины нет, добыть её путём угона – не та квалификация. Сейчас даже сраный «Жигуль» на сигнализации. И даже не в авто дело, возможно, они мотоциклом владеют более профессионально, чем машиной. Да и уходить по дворам и переулкам на мотоцикле сподручней, если ты рокер от Бога. Ну, точно не местные, у меня просто предчувствие. Останавливаюсь на этой версии и проверяю её полностью.

На мотоцикле, с двумя мешками денег они из города выезжать не рискнут однозначно. В легковушку мотоцикл не войдёт. Но опять же, какая легковушка? Джип тоже за неё проходит. Но джипы чаще тормозят на постах ГИБДД в надежде «навариться» на богатеньких. Их со счёта не сбрасываю, а пока переключаюсь на фуры. Выписываю все номера, проверяю, кто и куда ехал. Транзитники автоматом отпадают. Если учесть, что план «Тайфун» был введён ровно через двадцать минут после ограбления, то можно предположить, что преступники из города ночью не выезжали. Или выехали на стыке между сменами, когда на постах устали за сутки, расслабились и готовились смениться. А если это местные и из города не выезжали, то значит, надо где-то мотоцикл спрятать. Хотя любая квартира на первом этаже может служить гаражом. В нашем подъезде мужик с пятого этажа мопед почти каждый день таскает. Аношкин говорит, что все камеры городские «прошерстили» на предмет мотоциклистов, и результат нулевой. И байкеры в нашем городе не мелькали в последнее время. В общем, работы по просмотру записей много, но и машин иногородних больше половины. Хуже другое, что-то мне душу тревожит, а вот что? Не пойму. Такое впечатление, как будто что-то упускаю. И не даёт сосредоточиться моя подружка, всё время отвлекаюсь на какие-то шумы на кухне, на звяканье посуды. Наверное, обед готовит из минимального количества продуктов, находящихся в холодильнике. Всё правильно, она же должна показать свои прекрасные качества жены, хозяйки. В других я уже не сомневаюсь.

В общем и целом, поработать плодотворно не получилось. После обеда пришла мама проведать сыночка, принесла продукты и совсем не удивилась незнакомке. И вроде та ей даже понравилась. По крайней мере, её совсем не шокировало, что Анка в моей рубашке с оголенными до неприличия ногами, правда, с точки зрения приличных людей. Они так дружно занимались на кухне готовкой, что, казалось, знают друг друга вечность.

Мама собралась уходить в седьмом часу вечера, мы пошли её провожать. И когда остались одни, задумались куда пойти: то ли снова в квартиру, то ли в кино. Анка явно в ожидании моего решения. Я знаю, к чему подружка склоняется, но чутка «торможу».

– Если у тебя нет срочных дел, то может снова ко мне? Или для начала в кино?

– Не хочется в четыре стены забиваться, где ты снова уткнёшься в компьютер.

– Думаю, не уткнусь. Ничего путного в голову не лезет.

– Это из-за меня?

– Ты умница. Может и из-за тебя. Я привык в тишине работать, не мог никак сосредоточиться. Всё мысли о тебе и постели.

– Это очень правильные мысли, – рассмеялась девушка. – Я тоже вся в мыслях об этом и совсем не против. Кстати, над чем ты работаешь? Какое дело тебе покоя не даёт?

Умничка, показывает заинтересованность мужскими делами, классика женского умного поведения. Фу ты, Господи, не вовремя из меня лезет оперативно-розыскной талант.

– Да эти налётчики на инкассаторов в мозгу засели. Чувствую, что разгадка рядом, а вот не могу эту суть ухватить.

– Ты же говорил, что это «глухарь», и по нему нет никаких улик, бандиты чисто сработали.

– Мы не в пустыне, да и всё нельзя предусмотреть. Убийцы же не знали, что я ими займусь. А я – это серьёзно, как в каком-то фильме говорилось. Прокол всегда можно найти, если захотеть.

– И ты это очень и очень хочешь, мой любимый суперсыщик?!

Вот уже и в разряд любимых перешёл и довольно быстро, что слегка попахивает игрой.

– Не то, чтобы очень, но, чувствую, что могу это преступление раскрыть. Убийцы не должны оставаться безнаказанными, вот и думаю про это постоянно.

– А обо мне?..

– Не думал бы, в одной постели не оказались бы.

– Ну, это больше моя инициатива, я-то знаю, о ком ты мечтаешь.

– Мечтать не вредно. И эти детские мечты уже в далёком прошлом. Я, к сожалению, человек очень практичный, так сказать, без романтики в голове.

– Я тоже девушка практичная, и мне в кино хочется, но разговор предстоящий важнее всех развлекаловок.

– Вы меня заинтриговали, мадам.

– Это не то слово. Через минуту ты будешь поражён, удивлён и, может быть, шокирован.

– Начинай скорее, а то я весь дрожу в нетерпении.

– Начинать, так начинать! Время тянуть, только себя будоражить. Фёдор, давай поженемся!

От неожиданности я даже остановился. Чего-чего, а такого я в принципе не ожидал. И в первое мгновение даже слово не мог вымолвить. А девушка, молча, ждёт, ведь не добавить, не прибавить. Очень серьёзную вещь выдала, переборов стеснительность и гордость. Сказано без намёка на шутку, и надо отреагировать однозначно.

– Не знаю, что тебе и сказать... Всё это как-то неожиданно, как снег на голову летом. Я об этом и думать не думал...

– Я знаю, ты по Быстровой сохнешь. Понимаю, любовь есть любовь, а тут так всё быстро и просто. Да ещё девушка сама предложение сделала, стыд потеряла. А я из-за тебя почти детektivом заделалась.

– Давай не будем спешить. Я всё понимаю, не дурак. И по Быстровой сохну так, больше по инерции. Если честно, то это уже в прошлом. Чувствую, что не способен на высокую любовь, как и на настойчивые ухаживания. Для неё я всегда был пустым местом, одним из толпы дыхателей. Мы с тобой люди умные, практичные, давай поживём без всяких обязательств. Вдруг у нас ничего не получится? Я же ещё тот подарок, мама знает, и розыскная работа у меня на первом месте.

– Всё правильно, правдиво и логично. Вот только замуж уж очень хочется и именно за тебя.

– Ценю твой юмор, но на большее я пока решиться не могу. Ты, может, сама через месяц убежишь, не объясняя причин.

– Нет и еще раз нет. Никуда не убегу. Я очень терпеливая, спокойная и доброжелательная. Я просто клад. Мои главные слова будут всегда одни: «Ты прав, любимый».

– Аня, хватит хохмить. У меня серьёзная работа, из-за которой я частенько отсутствую дома по ночам, выходным и праздникам. Ночь-полночь, а тебе надо куда-то идти. Да ещё хроническое отсутствие денег. Ты, кстати, с этим уже столкнулась. А самое главное, ты не боишься остаться вдовой? И это не для красного словца сказано. В общем, вполне возможно, что луч-

шие свои годы угробишь на неперспективного мужчину. Так что не будим мудрить. Переезжай ко мне, поживем, посмотрим, что из этого получится.

– Ты очень убедителен, любимый. Но всё сказанное не преграда моим высоким чувствам. Я, как жена декабриста, пойду за тобой в огонь и воду.

– Хорош прикалываться. Пошли в кино. Ты же этого хотела?

– Я, наверное, простая, если ты так легко уловил моё желание. Я хочу сидеть в темноте на последнем ряду и целоваться каждые пять минут.

– У меня завтра суточное дежурство, а послезавтра мы сможем часа три поколесить по городу на твоей машине.

– Хоть четыре, хоть пять! Я и моя машина в твоём распоряжении! А в чём конкретика?

– Дело пенсионеров не продвигается, а я бабушек и дедушек обнадёжил, мол, зло будет наказано, а сам ещё ничего не сделал. Вот и поездим по пенсионным сообществам, по советам ветеранов, предупредим как можно больше пенсионного люда, особенно одиноких.

– Ты представляешь, сколько это работы?

– К сожалению, да. Но что-то надо делать. Под спящего бича водка не побежит, так вроде шутят бродяжки.

– Может, мне завтра самой начать объезд?

– Не получится. Преступницы женщины молодые и красивые. Пенсионеры тебя будут просто опасаться, вместе нам сподручней. Да и удостоверение полицейского – вещь в этом деле крайне нужная, вызывающая доверие. Так что занимайся своей бухгалтерской работой, главу-то семьи кормить надо, и кормить хорошо. Так что не расслабляйся.

– Как скажешь, любимый. Я вся в твоём распоряжении. Слушаюсь и повинуюсь, как восточная женщина. Кстати, в нашем холодильнике не так много продуктов, если бы не визит твоей мамы, он бы сегодня остался пустым.

– Ну, это уже твоя проблема, любимая. Я тебе не обещал лёгкой семейной жизни.

Целую уже только свою женщину. Она в ответ смеётся:

– Что-то уж больно быстро стали сбываться твои предсказания.

После кино зашли в круглосуточный продовольственный супермаркет. Шутки шутками, а мне уже второй раз неудобно, вернее, третий, ведь Анка и за билеты в кино платила.

Остаток ночи пролетел мгновенно. В шесть утра так не хочется вставать, так не хочется выбираться из-под тёплого одеяла и горячего бочка сонной и такой желанной подружки.

Валютная премия

А в отделе подполковника Зуева случилась крутая обмывка. Растроганный певец-артист, любимец публики и женщин, накрыл роскошную «поляну» отлично сработавшим сотрудником уголовного розыска, не поскупившись ни на коньяк, ни на мясные деликатесы. Так что у ребят праздник удался. Вот только они от этого не в особом восторге. А у меня, если сказать честно, обида скрябнула по душе довольно ощутимо. Пойти бы я не пошёл на эту обмывку однозначно, с Аней проводить время гораздо приятней, но пригласить-то могли, ведь дело раскрыто мной. В общем, очередной плевок в душу оставил в ней свой занозистый след. Осадок негатива к своим бывшим коллегам отложился в душе ещё одним слоем, даже видеть их не хочу. Детали этого застолья поведал Аношкин, зайдя после обеда ко мне в дежурку.

– Фёдор, ты не думай ничего такого. Я честно всем рассказал, что это ты дело раскрыл, а все пропустили мои слова, как бы между ушей. Я тогда за телефон взялся, тебе звонить, а Зуев категорически против, мол, ты уже не наш, всех, мол, кинул, только о своей карьере и печёшься. И что самое обидное, все с этим, молча, согласились. А когда Зуев ушёл, и наши опера поднабрались прилично, то очень интересные детали всплыли. Вроде, как тот артист не только коньяк с закуской выставил, но и денежек зелёных подкинул, так сказать, премиальных, и вроде сумму приличную. А что ему не подкинуть-то, если в сейфе больше восьмидесяти тысяч долларов американских было. Да золото, украденное с брюликами, почти на такую же сумму потянули. Откуда это всё просочилось? Я не знаю. Тему Кравченко поднял. Клялся, что точняк конкретный, но откуда узнал – молчок. Так что в нашем отделе разброд и шатанья, и Зуев вроде как на повышение уходит, полковничьи погоны примеряет, главным по патрульно-постовой службе будет.

– Зачем ты мне всё это рассказываешь?

– Сам не знаю, вроде как оправдываюсь. Ты дело сделал, а тебя снова прокатили. Но сказал при Зуеве, что ты дело раскрыл, а остальные не причём.

Старлей ушёл, а мне этот рассказ конкретно в душу запал. Всё, в общем-то, логично получается, не мог не заплатить потерпевший за удачно возвращённое богатство. Каким бы он жлобом ни был. Вопрос – сколько? Если дал денег только на обмывку, что вполне возможно, то и вопросов нет. А если наличку подкинул? Если так, то там и моя доля присутствует, деньги мне нужны. Что ни говори, а жить на Анкины не вполне порядочно. Так что решено, проверяю на вшивость товарища подполковника, хотя это и без всяких тестов понятно, как и понятно то, что Аношкин с со товарищами хотят этот вопрос порешать и получить долю, задействовав меня.

С трёх ночи и почти до шести утра проспал, это время дежурства выдалось на удивление спокойным, так что сразу с утра занялся пенсионерами. Думал до обеда закончить, а проваландался почти до семи вечера. Можно бы и больше. Но моя единственная сотрудница уже никакая, мы и так сделали за сегодня не мало. Составил фоторобот преступниц, переговорил с сорок одним одиноким пенсионером, забил им в телефон свой номер, по которому они должны отзвониться, если к ним придут настоящие или мнимые сотрудники социальных учреждений. А так же они пообещали дать мой номер телефона своим друзьям пенсионерам. Если такое случится, а это вполне возможно, то предупреждены будут больше ста пенсионеров только за этот день. Вот только адресов ещё очень и очень много, но один район, в котором ещё не побывали подлые дамочки, мной уже в основном пройден.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.